Тарасов Аркадий Евгеньевич

**ИЗБРАНИЕ АРХИЕРЕЕВ В РУССКОЙ ЦЕРКВИ XV-XVI ВВ.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

В настоящей статье рассматривается одна из составляющих жизни средневекового епископата Русской Православной Церкви, а именно проблема замещения опустевших архиерейских кафедр в XV-XVI вв. На основе анализа источниковых данных о Пермской, Сарайской и Коломенской епархиях автор делает вывод о том, что выбор кандидатов в архиереи часто обуславливался региональной спецификой, а также долговременной церковно-политической стратегией.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/48.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. III. С. 186-190. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-3/

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. **Сулейманова Л. Ш.** История становления и развития национальных школ народов Башкортостана в XX в. Уфа: Нефтегазовое дело, 2011. 453 с.
6. **Штейнберг А. А.** Вопросы просвещения нерусских народов до Великой Октябрьской социалистической революции и строительство национальной школы в РСФСР в первые годы Советской власти (1917-1920 гг.) (по материалам Поволжья и Приуральских автономных республик): дисс. … канд. ист. наук. М., 1956.
7. **Юлдашбаев Б. Х.** История формирования башкирской нации. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1972. 336 с.

**JADIDISM IN BASHKORTOSTAN AS EDUCATIONAL REFORM BASIS AT THE BEGINNING OF THE XX$^{TH}$ CENTURY**

**Lena Shagidulovna Suleimanova**, Doctor in History
*Department of Political Science, Sociology and Public Relations*
*Ufa State Oil Technical University*
*boradik@mail.ru*

The author studies Jadidism as the ideology of education reformation with the purpose to create a new model of national school in Bashkortostan at the beginning of the XX$^{th}$ century. Reformatory movement was caused by powerful social progress in Russia at the end of the XIX$^{th}$ – the beginning of the XX$^{th}$ century, the awakening of peoples' national consciousness during the first revolutions, the understanding of the place and significance of their history and culture in all-Russian development. All of this was transformed into the need to create a new type of school with general education of population and in line with all-Russian educational reform while maintaining progressive national foundations.

*Key words and phrases:* reformation; Jadidism; new type of national school; Russian school reform.

---

УДК 94(47).04
**Исторические науки и археология**

*В настоящей статье рассматривается одна из составляющих жизни средневекового епископата Русской Православной Церкви, а именно проблема замещения опустевших архиерейских кафедр в XV-XVI вв. На основе анализа источниковых данных о Пермской, Сарайской и Коломенской епархиях автор делает вывод о том, что выбор кандидатов в архиереи часто обуславливался региональной спецификой, а также долговременной церковно-политической стратегией.*

*Ключевые слова и фразы:* история русской Церкви; отношения центра и периферии; светская власть и высшее духовенство; позднее Средневековье; епископат; иерархия.

**Аркадий Евгеньевич Тарасов**, к. ист. н.
*Исторический факультет*
*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*
*tarasov2000@front.ru*

## ИЗБРАНИЕ АРХИЕРЕЕВ В РУССКОЙ ЦЕРКВИ XV-XVI ВВ.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ©

*Статья подготовлена в рамках выполнения работ по соглашению, заключенному с Министерством образования и науки РФ по заявке № 2012-1.4-12-000-3001-005 «Актуальные вопросы истории Российской государственности: IX-XX вв.», мероприятия 1.4 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., а также при финансовой поддержке РГНФ (грант 12-31-01255 а2).*

Изучение биографий архиереев (о плодотворности биографического метода в изучении русской средневековой иерархии см.: [12, с. 114-124]) выявляет любопытную закономерность: в XV-XVI столетиях выбор будущих епископов для некоторых кафедр иногда происходил не только из одних и тех же монастырей, на что уже обращалось внимание в историографии, но зачастую тяготел к определённым областям страны. Такая особенность избрания иерархов для отдельных кафедр из одного региона порой прослеживается на протяжении многих десятилетий. Региональный аспект выбора епископов будет рассмотрен в хронологических границах между 1448 г. и 1589 г., т.е. в эпоху становления церковной автокефалии, между избранием на архиерейском соборе митрополита Ионы и возведением в патриаршее достоинство митрополита Иова.

Особый интерес для решения исследовательской задачи представляет Пермская епархия. В изучаемый период сана владык Пермских было удостоено двенадцать человек: первым из них стал святитель Иона между 1455-1459 гг., последним – архиепископ Иона II, рукоположенный в 1588 г. и в 1603 г. переведённый на Ростовскую кафедру (см.: [10, с. 354-355; 26]). Во второй половине XV – первой трети XVI в. рукоположено

© Тарасов А. Е., 2012

шесть архиереев, места служения четырех из них до архиерейской хиротонии известны: епископы Пермские этого времени избирались только из представителей северных монастырей. В трёх из четырёх случаев обители располагались в пределах Ростовской епархии: Филофей был избран епископом в 1471 г. из игуменов ферапонтовских [18, с. 145], Никон – из игуменов Глушицкого монастыря (1502 г.) [21, с. 378], Алексий – из игуменов кирилловских (1525 г.) [Там же, с. 403]. В 1520 г. Пимен Ходыкин получил рукоположение на Пермскую кафедру из игуменов Соловецкой обители [20, с. 36]. Вообще, все Пермские епископы от создания епархии в XIV в. и до первой трети XVI в. включительно, о которых сохранились биографические сведения, были связаны с северорусскими землями либо рождением, либо служением в северных монастырях (как правило, Ростовской епархии). К сожалению, биографии русских иерархов Средневековья являются весьма неполными, зачастую о епископах сохраняются одно-два упоминания, которые не дают ничего для сколько-нибудь вразумительного анализа. В отношении архиереев Пермской епархии данная особенность проявляется в полной мере. В XVI столетии после епископа Алексия (ушёл на покой между 1543 г. и 30 января 1547 г.) Пермскую кафедру занимали шесть иерархов. Только о двоих из них можно сказать определенно, откуда они были рукоположены в епископы: владыка Киприан – из московского Богоявленского монастыря (1547 г.), владыка Антоний – из Герасимо-Болдинского, что под Дорогобужем (1585 или 1586 г.).

Таким образом, можно говорить о том, что, по крайней мере, до 40-х гг. XVI в. при выборе кандидатов для Пермской кафедры преимущество отдавалось выходцам с Севера в целом и представителям Ростовской епархии в частности. Думается, подобную связь Пермской и Ростовской кафедр нельзя объяснять исключительно географическим соседством и, как следствие, попыткой замещать вакансии людьми, лучше знакомыми с местной спецификой. Следует обратить внимание на то, что московская великокняжеская власть с особенным вниманием относилась к Пермской епархии. Епископы Пермские со времён основания кафедры являлись твёрдыми сторонниками великих князей и всегда помогали им в проведении экспансии на северо-восточных рубежах. Считается даже, что в XV в. Пермская епархия имела характер полунезависимого феодального государства, а епископы Перми выступали вассалами великого князя Московского (см. например: [28, с. 9-19]).

О большой роли епархии в церковно-политических планах великих князей свидетельствует, в частности, передача такого крупного города, как Вологда, из совместного владения митрополичьей и Новгородской кафедр в Пермскую в 1492 году: «Князь великии Иван Васильевич, обмысля с митрополитом и со владыками, пожаловал владыку Филофея Пермскаго, дал ему митрополит Зосима из своей митрополья на Вологде в городе и на посаде все свои церкви, а Генадей, епископ Новгородцкий, из своей архиепископьи дал ему тако ж все свои церкви на Вологде…» [15, с. 128]. Такой же вывод можно сделать и на основании записей «государственного» синодика из Успенского собора Московского кремля – так называемой Троицкой книги, предназначавшейся для чтения в новопостроенном при Иване III Успенском соборе, главном храме митрополии «всея Руси». В нём упомянуты четыре пермских иерарха (в то время как имена архиереев некоторых кафедр, стоявших в иерархической лестнице выше Пермской, например, Тверской и Сарайской, упомянуты лишь по одному разу) [23, л. 41 об.]. Наибольшее число упоминаний относится к коломенским архиереям – пять. Очевидно, Коломенская епархия играла особую роль для великих князей Московских в то время (см.: [9, с. 219]). Ещё в одном близком по времени синодике, Мазуринском списке Троицкой книги, который был переписан в впервой половине 1490-х гг. при митрополите Зосиме, поминаются митрополиты «всея Руси» до Геронтия († 1489 г.), восемь Ростовских епископов, четыре Пермских, четыре Коломенских, три Суздальских, один Сарайский [13, л. 149].

Очевидно, в представлении московских государей, две северные епархии были тесно связаны между собой, в т.ч. задачами проведения в жизнь великокняжеской политики на окормляемых ими территориях. При этом некоторый пасторский приоритет отводился епархии Ростовской. Именно она, как более древняя и к тому же имевшая куда больше монастырей с богатыми традициями, способных дать подготовленные кадры для архиерейского служения, обеспечивала приток епископов для Пермской кафедры. Духовно воспитанные на севере и знающие специфику данного региона владыки из пределов архиепископии Ростовской лучше других подходили для Перми. О тесных исторических связях между епархиями также свидетельствует ростовский синодик 1642 г., возможно, составленный при кафедральном Успенском соборе Ростова Великого. Памяти пермских владык в нём отведено больше места, чем мемориям архиереев каких-либо других кафедр (за исключением, разумеется, Ростовской). Причём записи, касающиеся основателя кафедры Стефана и убитого вогулами Питирима, сопровождаются панегириками, что также не характерно для перечней архиереев иных кафедр [Там же, л. 31 об. – 32].

При всём том на Пермскую епископскую кафедру распространялся тот же принцип экономических ограничений, что проводился великими князьями Московскими в отношении многих духовных центров. Как выбор владыки из какого-либо монастыря вовсе не означал, что в отношении данной обители обязательно будут действовать иммунитетные гарантии, так и церковно-политический приоритет епископии Пермской не всегда обеспечивался соответствующей экономической поддержкой со стороны власти. В 80-е гг. XV в. Иван III начинает деятельно вмешиваться в права земельных владений кафедры. В 1485 г. и 1490 г. им выдаются грамоты, направленные на защиту общинных крестьянских земель, на которые покушались епископы. В грамотах подробно перечислены реки и озёра, принадлежавшие отдельным общинам по писцовой книге Ивана Гаврилова (произвёл перепись в 1482 г.), а также угодья, в которые владыкам было запрещено «вступатися» [6, с. 242, 243-247, 248-252]. Возможно, шаги, предпринятые Иваном III, были вызваны военным походом, возглавленным воеводами Фёдором Курбским и Иваном Салтыком, который завершился подчинением Югры и подписанием в декабре 1483 г. присяги югорскими князьями. Активное участие в заключении соглашения принимал владыка Пермский Филофей [5, с. 263; 7, с. 65; 17, с. 276-277]. По-видимому,

теперь кафедра как духовный лидер подчинённых земель могла претендовать на владения на новых территориях или, по крайней мере, долю доходов с них. Наступление на права епархии, очевидно, следует рассматривать в контексте попытки великокняжеской власти упрочить своё влияние на русскую церковную иерархию, предпринятой в 1480-е годы (об этой попытке подробнее см.: [27, с. 193-198]).

Теперь обратимся к истории других епархий. Епископиями, в истории которых следование определённому региональному принципу подбора кандидатов в епископы проявилось весьма заметно, являются Коломенская и Сарайская (Крутицкая).

Во второй половине XV – XVI в. (между 1451 г. и 1586 г.) на Коломенскую кафедру было поставлено пятнадцать архиереев [25, стб. 1029-1030]. Места служения десяти из них до архиерейского рукоположения известны. В восьми из десяти случаев епархия получила архиереев из Москвы или близлежащих земель. Между 1451 г. и 1453 г. на Коломенскую кафедру был рукоположен архимандрит Симонова монастыря святитель Геронтий [11, с. 405-406], в 1473 г. – иеромонах Никита Семешков, сын протопопа Архангельского собора Московского Кремля [16, с. 301], в 1481 г. – игумен Пафнутьева Боровского монастыря Герасим II [21, с. 348], в 1490 г. – игумен Угрешской обители Авраамий [14, с. 159], в 1507 г. – Спасо-Андрониковский архимандрит Митрофан [20, с. 5], в 1520 г. – игумен Угрешского монастыря Тихон [Там же, с. 36], в 1542 г. – Новоспасский архимандрит Феодосий [Там же, с. 142], в 1581 г. – святитель Иов, Новоспасский архимандрит.

Как видно, по два раза епископами становились настоятели Угрешского и Новоспасского монастырей, что является закономерным. Эти обители являлись патронатными по отношению к московским великим князьям. Не случайно во время судебного разбирательства 1478-1479 гг., посвященного конфликту вокруг прав назначения игумена Кирилло-Белозерского монастыря, дьяк Иван Ципля сравнил Кириллов монастырь, находящийся под патронатом Белозерского удельного князя Михаила Андреевича, с положением придворных великокняжеских обителей Спасской на Бору (будущей Новоспасской), Симоновской и Угрешской [3, с. 280-281]. О том, какую роль играл в конце XV – начале XVI в. Угрешский монастырь, свидетельствует, в частности, официальное богомолье, предпринятое Василием III в 1519 году: «Тоя же весны, месяца мая, выехал князь великии из града Москвы к чюдотворцу Николе на Угрешу, а оттоле на Остров…» [20, с. 32] (под Островом следует понимать великокняжеское село в Коломенском уезде). Новоспасский монастырь и вовсе можно считать семейным для династии Даниловичей. Именно его заложил и «возлюбил… паче инехъ манастыреи» Иван Калита [16, с. 169].

Из плеяды коломенских архиереев, связанных с Москвой и близлежащими землями, выделяются владыки Никон (на кафедре с 1 мая 1502 г.) и Вассиан Топорков (на кафедре со 2 апреля 1525 г.). Их рукоположили из игуменов Павловской Обнорской пустыни (Вологодчина) и Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря соответственно. Однако при этом следует учитывать, что Обнорская обитель была связана с самим Троице-Сергиевым монастырём через своего основателя преподобного Павла и в 1440-х годах вовсе приписана к Троице [8, с. 313]. А Вассиан Топорков происходил из видного в церковной среде рода, будучи племянником, постриженником и идейным последователем преподобного Иосифа Волоцкого. Кроме того, он был доверенным человеком великого князя Московского Василия III, особенно в последние годы его правления.

Похожие «московские» закономерности прослеживаются на примере Сарайской (Крутицкой) епархии. У её кормила во второй половине XV – XVI в. стояло не менее шестнадцати человек. Места, откуда иерархи были избраны для архиерейского рукоположения, точно известны только у пятерых из них (к сожалению, сохранность документов по истории этой епархии чрезвычайно низкая): Сильван был Угрешским игуменом (на кафедре с 1493 г.), Евфимий Подрез – игуменом Троице-Сергиева монастыря (на кафедре с 1496 г.), Трифон Дубина – настоятелем московского Богоявленского монастыря (на кафедре с 1499 г.), Савва Черный – архимандритом Симонова монастыря (на кафедре с 1544 г.), Нифонт Кормилицын – архимандритом Новоспасским (на кафедре с 1554 г.). Как видно, это опять Москва и прилегающие к ней земли.

Епископ Сарайский Прохор ушёл на покой зимой 1492-1493 гг. в московский Богоявленский монастырь [19, с. 211; 22, с. 277]. Почти наверняка именно этот Прохор был игуменом в «Богоявленьи каменном, что на посаде, за торгом», упоминаемом в жалованной грамоте дмитровского князя Юрия Васильевича московскому Богоявленскому монастырю 29 сентября 1455 года [2, № 29]. То же самое можно предположить и о другом богоявленском игумене – Досифее, упоминаемом в купчей 1478-1479 гг. [Там же, № 30]: возможно, игумен Досифей (в 1486 г. в Богоявленском монастыре был уже другой игумен – Антоний) и Досифей Забела, рукоположенный на Крутицкую кафедру 23 января 1508 г., – одно и то же лицо. Если данное предположение верно, то необходимо отметить роль представителей московского Богоявленского монастыря в замещении епископии Сарской и Подонской (Крутицкой): трое из пяти архиереев Крутицких, рукоположенных при Иване III и Василии III, представляли именно этот монастырь. Не подлежит сомнению, что епископов для епархии стремились подбирать из московских и близлежащих обителей: среди них уже хорошо знакомые Новоспасский и Угрешский монастыри.

Вероятно, Василий III особенно благоволил Богоявленскому монастырю в конце пятисотых – начале 10-х годов XVI в. Именно в это время игумен Богоявленского монастыря Нил становится епископом Тверским (24 августа 1509 г.), а 30 декабря 1511 Василием III выдаётся обширная жалованная грамота игумену Богоявленского монастыря Геннадию сразу на несколько сёл и деревень в Московском уезде и Бежецком Верхе [Там же, № 38]. Возможно, привязанность Василия III к Богоявленскому монастырю была обусловлена влиянием князей Ромодановских. Два представителя этого княжеского рода – братья Василий Васильевич и Иван Васильевич, крупные деятели администрации сначала Ивана III, а затем и Василия III – были непосредственно связаны с обителью. Василий Васильевич принял постриг с именем Вассиан, вскоре заняв

в монастыре высокое положение. А Иван Васильевич владел в обители собственными кельями (что дозволялось особножитийным уставом), имел «своих старцев» и ещё при жизни завещал монастырю 100 рублей.

Изложенные выше наблюдения позволяют скорректировать выводы А. Б. Мазурова о «частотной» ориентации великокняжеской власти на те или иные монастыри в деле замещения архиерейских постов, сделанные им на основе изучения Коломенской епархии. По мнению автора, закономерность выбора архиереев из одних и тех же монастырей на одни и те же кафедры отражает представления государей о высокоавторитетных в данный момент времени монастырях, в которых могли проживать монахи, достойные принять епископский сан [9, с. 217-218]. Как видно, кроме этой, существовала и другая тенденция – выбор кандидатов в архиереи часто обуславливался региональной спецификой, а также долговременной церковно-политической стратегией. Причём действовал не только принцип выбора кандидата «монастырь» - «архиерейская кафедра», но и более широкий принцип «область/регион» - «архиерейская кафедра».

Неслучайно данная тенденция свойственна, прежде всего, Коломенской и Крутицкой епархиям: их епископы избираются в первую очередь из московских и подмосковных монастырей. Именно эти кафедры, наиболее близкие к Москве в географическом плане (Сарайская епархия в середине XV в. была переведена из Орды в ближайшее Подмосковье, на Крутицы, в отданный под её резиденцию монастырь в честь Пресвятой Богородицы [4, с. 180-181]), являлись и наиболее связанными с московской митрополией в церковном отношении, исполняя функции викарных [9, с. 217; 27, с. 58-63]. Тесная связь Коломенской и Крутицкой епископий с митрополичьей кафедрой отразилась в Синодике XVI в. Успенского собора Московского кремля, кафедрального храма митрополита «всея Руси». Перечни архиереев этих епархий выделены киноварью и помещены отдельно, владыки всех остальных епархий представлены общим списком [24, л. 21-22]. В случае Пермской епархии, по всей видимости, решающую роль в избрании владык играли церковно-политические обстоятельства, связанные с проблемой становления Великого княжества Московского как общерусского центра и христианизации его северо-восточных окраин. Возможно, этими условиями определяется то, что после образования единого Русского государства и укрепления позиций православия в Перми наблюдается отход от принципа выбора кандидатов в епископы Пермские исключительно из монахов-представителей русского Севера.

*Список литературы*


1. **Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.** СПб.: Типография Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841. Т. 1. 1334-1598 гг. 607 с.
2. **Акты Российского государства: архивы Московских монастырей и соборов XV – начала XVII в.** М.: Янус-К, 1998.
3. **Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV – начала XVI в.** М.: Издательство АН СССР, 1958. Т. 2.
4. **Беляев Л. А.** Древние монастыри Москвы (кон. XIII – нач. XV в.) по данным археологии. М.: Мейкер, 1994. 310 с.
5. **Вычегодско-Вымская летопись** // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 257-271.
6. **Документы по истории коми** // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 242-271.
7. **Зимин А. А.** Россия на рубеже XV-XVI столетий (очерки социально-политической истории). М.: Мысль, 1982. 333 с.
8. **Каган М. Д.** Житие Павла Обнорского // Словарь книжников и книжности Древней Руси (вторая половина XIV - XVI в.). Л.: Наука, 1989. Вып. 2. Ч. 1. А-К. С. 313-317.
9. **Мазуров А. Б.** Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в.: комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М.: Александрия, 2001. 542 с.
10. **Макарий (Булгаков), митрополит.** История Русской Церкви. М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Кн. 4. Ч. 2. 590 с.
11. **Макарий (Веретенников), архимандрит.** Геронтий, свят. митр. Московский и всея Руси // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11.
12. **Макарий (Веретенников), архимандрит.** Концептуальные заметки по истории Русской Церкви XIII-XVI вв. // Воинство земное – Воинство небесное: Макариевские чтения. Можайск, 2011. Вып. 18.
13. **Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ.** Ф. 344. № 99.
14. **Полное собрание русских летописей** (ПСРЛ). Л.: Изд-во АН СССР, 1925. Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. XXXIV+195 с.
15. **ПСРЛ.** Л.: Наука, 1977. Т. XXXIII. Холмогорская летопись. Двинской летописец. 251 с.
16. **ПСРЛ.** М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. XXV. Издание 1-е. Московский летописный свод конца XV в. 464 с.
17. **ПСРЛ.** М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. XXVI. Издание 1-е. Вологодско-Пермская летопись. 414 с.
18. **ПСРЛ.** М. - Л.: Изд-во АН СССР. 1963. Т. XXVIII. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. 413 с.
19. **ПСРЛ.** Пг.: Изд-во АН, 1921. Т. XXIV. Летопись по Типографскому списку. XVI+272 с.
20. **ПСРЛ.** СПб.: Типогр. И. Н. Скороходова, 1904. Т. XIII. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. 308 с.
21. **ПСРЛ.** СПб.: Типогр. М. А. Александрова, 1910. Т. XX. Первая половина. Львовская летопись. IV+418 с.
22. **ПСРЛ.** СПб.: Типогр. М. А. Александрова, 1913. Т. XVIII. Симеоновская летопись. III+316 с.
23. **Рукописный отдел ГИМ.** Син. № 667.
24. **Рукописный отдел ГИМ.** Усп. № 64.
25. **Строев П. М.** Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1877.
26. **Тарасов А. Е.** Иона, свт., еп. Пермский // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 25. С. 392-398.
27. **Тарасов А. Е.** Религиозные аспекты политики московских князей во второй половине XV – первой трети XVI в.: дисс. … канд. ист. наук. М., 2007.
28. **Тентюкова Ф. А.** Из прошлого Коми края (материалы к своду памятников). Сыктывкар, 1976.

**BISHOPS ELECTION IN RUSSIAN CHURCH OF THE XVTH-XVITH CENTURIES: REGIONAL ASPECT**

**Arkadii Evgen'evich Tarasov**, Ph. D. in History
*Historical Faculty*
*Moscow State University named after M. V. Lomonosov*
*tarasov2000@front.ru*

The author considers one of the components of the Russian Orthodox Church medieval episcopacy's life, namely the problem of empty bishops' cathedrarae replacement in the XV$^{th}$-XVI$^{th}$ centuries, and basing on the analysis of the source data on Perm', Saraisk and Kolomna eparchies concludes that the selection of the candidates for bishops was often conditioned by regional specificity and long-term church-political strategy.

*Key words and phrases:* Russian Church history; centre and periphery relations; secular authorities and the upper clergy; late Middle Ages; episcopacy; hierarchy.

---

УДК 94(4)
**Исторические науки и археология**

*Статья посвящена полемике, развернутой в печати А. Н. Энгельгардтом и касающейся перспектив развития в пореформенной России крестьянских артельных сыроварен, которые были созданы при непосредственном участии Н. В. Верещагина. В поддержку начинаний Н. В. Верещагина выступил ученый-химик Д. И. Менделеев, а мнение А. Н. Энгельгардта считал справедливым писатель-сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин. В статье приведены основные доводы участников дискуссии.*

*Ключевые слова и фразы:* молоко; швейцарский сыр; крестьянские артельные сыроварни; А. Н. Энгельгардт; Н. В. Верещагин; М. Е. Салтыков-Щедрин; Д. И. Менделеев; «Отечественные записки»; письма «Из деревни».

**Анастасия Владимировна Тихонова**, к. ист. н., доцент
*Кафедра истории России*
*Смоленский государственный университет*
*a.v.tikhonova@gmail.com*

## О КРЕСТЬЯНСКИХ АРТЕЛЬНЫХ СЫРОВАРНЯХ В РОССИИ: СПОР А. Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА С Н. В. ВЕРЕЩАГИНЫМ 1870-Х ГГ.©

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-14-67002).*

Среди дискуссий эпохи Великих реформ, затрагивавших проблемы развития отечественной промышленности, особого внимания заслуживает полемика об организации в России крестьянских артельных сыроварен, которые начал создавать в середине 1860-х гг. Н. В. Верещагин. Выпускник Морского корпуса, затем вольнослушатель университета, отставной лейтенант флота, Николай Васильевич Верещагин (1839-1907) решил заняться сыроварением, заметив прибыльность швейцарской сыроварни, находившейся по соседству с родительским имением. Однако иностранный мастер не стал раскрывать молодому барину секреты своего производства, опасаясь возможной конкуренции, и Верещагину пришлось ехать в Швейцарию, чтобы там учиться сыроделию. Николай Васильевич не только освоил технологию изготовления швейцарского сыра, но и изучил особенности устройства традиционных сыродельных артелей. Возвратившись на родину, Н. В. Верещагин решил организовать в России производство твердых сыров.

Сегодня, когда сыр – привычный для нас продукт питания, трудно представить, что еще в середине XIX века он был экзотикой. Твердые сыры являлись импортным товаром, а в империи его производили лишь иностранцы, главным образом швейцарцы. У нас традиционно употребляли не сыр, а «сырный творог» – продукт, полученный путем естественного свертывания молока. Не случайно в современном словаре русской культуры XVIII-XIX веков «Полузабытые слова и значения» указано, что сыр – «народное название творога» [1, с. 507]. В «Словаре живого великорусского языка» В. Даля кратко описана технология его получения: «квашеное молоко ставится в печь, и со свернувшейся гущи отцеживается сыворотка» [3, с. 376]. Такой творог мог и длительно храниться.

Этот продукт был привычным для крестьянского рациона, твердые же сыры употребляли состоятельные горожане как деликатес. Характерно, что эпиграмма № 1 из «Сочинений Козьмы Пруткова», написанная в начале 1850-х гг., была посвящена сыру:

«Вы любите ли сыр?» – спросили раз ханжу.
«Люблю, – он отвечал, – я вкус в нем нахожу» [10, с. 41].

---

© Тихонова А. В., 2012